

На пароходе

Г-же Ф. Збарской

Был утренник. Сводило челюсти,
И шелест листьев был, как бред.
Синее оперенья селезня
Сверкал за Камою рассвет.

Гремели блюда у буфетчика.
Лакей зевал, сочтя судки.
В реке, на высоте подсвечника,
Кишмя кишели светляки.

Они свисали ниткой искристой
С прибрежных улиц. Било три.
Лакей салфеткой тщился выскрести
На бронзу всплывший стеарин.

Седой молвой, ползущей исстари,
Ночной былиной камыша
Под Пермь, на бризе, в быстром бисере
Фонарной ряби Кама шла.

Волной захлебываясь, на волос
От затопленья, за суда
Нырля и светильней плавала
В лампаде Камских вод – звезда.

На пароходе пахло кушаньем
И лаком цинковых белил.
По Каме сумрак плыл с подслушанным,
Не пророня ни всплеска, плыл.

Что ж он подслушивал? – подслушивал,
Дыша на запотелый люк?
Тонула речь в обивке плюшевой.
Он понимал движенье рук?

И этих рук движеньем проняло
Его? И по движенью рук
Он понял: так на фисгармонии
Берут в басах забытый звук?

Сквозь грани баккара вы суженным
Зрачком могли следить за тем,
Как дефилируют за ужином
Фаланги наболевших тем.

И были темы те – эмульсией
Из сохраненных сердцем дней,

А вы – последнею конвульсией
Последней капли были в ней.

Был утренник. Сводило челюсти,
И шелест листьев был как бред.
Синее оперенья селезня
Сверкал за Камою рассвет.

И утро шло кровавой банею,
Как нефть разлившейся зари,
Гасить рожки в кают-компании
И городские фонари.

Всеволодо-Вильва. 17 мая 1916